

Научная статья
УДК 811.1/8
doi: 10.17223/19986645/83/7

Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в тексте правового документа

Инна Витальевна Тубалова¹, Мария Андреевна Наземцева²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*
¹ *tina09@inbox.ru*
² *mnazemtseva@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается специфика реализации общекультурного концепта *свобода* в дискурсе правового документа, задающая его дискурсообразующий статус. Выявляется, что способность данного концепта, сохраняя общекультурно заданный содержательный потенциал формировать принципы осуществления регулирующей цели права, реализуется за счет трансформации его понятийного и ценностного компонентов: свобода предстает как перечень моделей поведения гражданина / государства – разрешенных, обязательных и возможных, а следование им выступает как норма, диктуемая законом как «внешней силой».

Ключевые слова: концепт свобода, дискурсообразующий концепт, дискурс правового документа

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Тубалова И.В., Наземцева М.А. Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в тексте правового документа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 120–143. doi: 10.17223/19986645/83/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/83/7

The discourse-forming status of the concept *freedom* in the legal document text

Inna V. Tubalova¹, Maria A. Nazemtseva²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
¹ *tina09@inbox.ru*
² *mnazemtseva@gmail.com*

Abstract. The aim of this article is to present distinctive characteristics and means of implementation of the concept *freedom* in legal document discourse, which determine its discourse-forming status. The material of the study is texts of the Constitu-

tion of the Russian Federation of 1993 (in the 15th edition), Codes of the Russian Federation, as well as court sentences and judgements posted on the website of Justice, the Russian Federal State Automated System (sudrf.ru). In total, 479 texts of legal documents were analyzed. Legal document discourse is examined in a sociolinguistic aspect and is defined as a component of legal discourse – written institutional discourse aimed at referring participants of legal communication to legal documents, produced by agents of law, and fixing principles and results of regulation of legal relations. To reach the aim of the study we consider features of the concept, identified by studies and supplemented by us, which determine its discourse-forming status: (1) connection with the key universal cultural concept and its meaningful correlation with (2) the descriptive component of discursive world-image and (3) with its value component. Further, we consider how each of these features is manifested in the implementation of the concept *freedom* in legal document discourse. (1) The key status of the concept under study is confirmed by researchers' findings, grounds for referring to the concept in the discourse under consideration are being determined (freedom as one of the significant purposes of human existence), as well as principles of discursive transformation, established by specifics of legal communication (establishment of "boundaries" of freedom, reflecting legal regulation). (2) Lexicographical content that organizes the descriptive component of discursive world-image is considered on the grounds of the specific functioning of basic lexical representatives of the concept (*freedom* and *law*) and the nature of transformation of lexicographical features of the concept – in comparison with its universal cultural image, manifested in features of the (A) subject of freedom, (B) object of freedom and (B) conditions for presence or absence of freedom. (3) Value content that organizes value component of discursive world-image is interpreted in accordance with the implementation of all discursive value components. They are determined by (1) the value content of the universal cultural concept *freedom*, which determines the ethical basis of law; (2) values of legal norming, which, in turn, are based on values of official fixation of norms, in this case, their documentation: imperativeness of law and its objectivity (unity for all citizens).

Keywords: concept *freedom*, discourse-forming concept, legal document discourse

Acknowledgments: The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority–2030).

For citation: Tubalova, I.V. & Nazemtseva, M.A. (2023) The discourse-forming status of the concept *freedom* in legal document text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 120–143. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/7

Идея дискурсивной интерпретации общекультурных концептов, основанная на концепции дискурса как совокупности коммуникативных актов, объединенных на основании социальной стратификации конкретного общества и подчиненных общей дискурсивной цели, рассмотрена в лингвистических исследованиях достаточно подробно; широко описаны результаты интерпретации конкретных общекультурных концептов в различных дискурсах [1–4]. Данная концепция рассматривает дискурсивную цель как определяющую дискурсивный «тематический репертуар» [5. С. 52], который является результатом отбора и конфигурирования смыслов. При этом выявлено, что отдельные общекультурные концепты (темы) подвергаются

выдвижению, что обеспечивает реализацию дискурсивной цели [6–12]. В рамках данной логики в фокусе внимания оказывается трансформационный потенциал общекультурного концепта, обеспечивающий реализацию дискурсивной цели.

Отдельного внимания заслуживает инструментально-регулятивная дискурсоформирующая функция концепта, зафиксированная терминологическим обозначением «дискурсообразующий концепт».

Признаки концепта, придающие ему дискурсообразующий статус [12–16], обсуждаются значительно менее активно, чем результаты дискурсивной интерпретации концепта. Отметим, что в некоторых исследованиях этот статус обозначается как «базовый» [17], «ключевой концепт дискурса» [9], «генеративный» [18] и др. В данной работе мы используем термин «ключевой концепт» для обозначения особого статуса общекультурного (национально-культурного) концепта в языковой картине мира, а термин «дискурсообразующий концепт» – для обозначения особого статуса концепта в дискурсивной картине мира¹.

Представим специфику дискурсообразующего концепта, обобщив выделенные указанными исследователями его особенности.

1. З.И. Резанова указывает на то, что такие концепты **«двунаправленно ориентированы**: они соотнесены с ключевыми концептами культуры, являясь их функциональной модификацией (дискурс предстает как среда сокращения возможностей языковых знаков), с другой стороны, они организуют дискурсы и, как следствие, выполняют социально актуальные функции» [9. С. 42].

Ключевой статус концепта в языковой картине мира определяет значимый потенциал для дискурсивного развертывания, в том числе – в качестве дискурсообразующего концепта.

2. Дискурсообразующий концепт обладает **понятийным компонентом**,² который (1) прямо реализует содержание дескриптивного компонента² дискурсивной картины мира (дискурсивного диктума), при этом (2) на уровне макроструктуры дискурса [5, 19] охватывает его в полном объеме.

Н.Ф. Алефиренко интерпретирует это свойство дискурсообразующего концепта как его генетическую связь с действительностью, которая позволяет ему формировать когнитивную структуру будущего текста (ее автор описывает как фреймовую структуру) [14. С. 108]. Дискурсообразующие концепты «составляют содержательно-тематическое ядро дискурса» [12, 20] и выступают в нем «как объекты осмысления, интерпретации и оценивания» [20].

---

¹ Под дискурсивной картиной мира понимается «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [9. С. 43].

² О дескриптивном и ценностном компонентах дискурсивной картины мира см.: [9. С. 49].

3. **Ценностный компонент** дискурсообразующего концепта реализует базовые дискурсивные ценности, которые «определяют, структурируют дискурс» [16]. Данный признак дискурсообразующего статуса концепта выделяется всеми исследователями в силу его особой значимости (см.: [7, 9, 12, 14, 20] и др.).

В результате дискурсообразующий концепт оказывается способным выражать социальные потребности, «ради удовлетворения которых создается данный дискурс» [12. С. 175].

Обратим внимание на особый статус дискурсообразующего концепта на фоне иных концептов, особым образом интерпретированных в рамках дискурсивной картины мира.

Концепт, сформированный в языке, подвергается определенному реконфигурированию при его дискурсивной реализации. При этом дискурсообразующие свойства концепт приобретает на этапе инициации дискурсивного текстопорождения (это «концепт, вокруг которого и порождается дискурс» [13. С. 5]), и на этом же этапе он подвергается реконфигурированию, реагирующему на изначально заданную дискурсивную цель.

Формирование дискурсообразующего концепта Н.Ф. Алефиренко характеризует как «выбор речевой стратегии, определение одного из потенциально возможных векторов дискурсообразования, т.е. того упорядочивающего средства, который бы позволил преодолеть энтропийные тенденции (дезорганизацию, состояние смыслового «тумана») и привести к порождению нового речемыслительного феномена, называемого в лингвосинергетике бифуркацией» [13. С. 5].

Реализация этой стратегии осуществляется в выборе «словесного контекста, в рамках которого происходит текстопорождение» [13. С. 7], т.е. систематизирующих дискурс признаков и форм реализации концепта.

Цель данной статьи – представить результаты дискурсивно обусловленной трансформации содержания общекультурного концепта *свобода* в дискурсе правового документа, определяющие его дискурсообразующий статус, и выделить средства реализации такой трансформации.

Материалом исследования являются тексты¹ Конституции РФ 1993 г. (в 15-й редакции) [21], кодексы РФ, а именно: Семейный [22], Трудовой [23], Жилищный [24], Гражданский (Часть 1 [25], Часть 2 [26], Часть 3 [27], Часть 4 [28]), Уголовный [29], Гражданский процессуальный [30] и Уголовный процессуальный [31], 212 приговоров и 256 решений судов, размещенных на сайте sudrf.ru [32].

Всего проанализировано 479 текстов правовых документов общим объемом около 1 439 823 слов.

---

¹ Далее используются следующие сокращения: Конституция – [К], Семейный кодекс – [СК], Трудовой кодекс – [ТК], Жилищный кодекс – [ЖК], Гражданский кодекс – [ГК], Уголовный кодекс – [УК], Гражданский процессуальный кодекс – [ГПК], Уголовный процессуальный кодекс – [УПК], приговор – (П), решение суда – (Р).

Отдельно отметим, что различные социокультурно заданные дискурсы обладают разным уровнем консолидации дискурсивно обусловленного содержания и разным уровнем структурной организованности. Формально-смысловая дискурсивная целостность дискурса определяется характером его цели, реализация которой требует особой его организации. Так, личностно-ориентированные дискурсы бытового общения по своей целевой структуре принципиально множественны и динамичны [10, 33], поэтому вопрос о наличии в их содержании дискурсообразующего концепта может быть поставлен только на материале локальных зон общения – отдельных коммуникативных актов.

Уровень внутренней организованности институциональных дискурсов в целом выше, но и их внутренняя организация по степени внутреннего содержательного единства не однотипна. Так, манипулятивная природа политического дискурса допускает интерпретацию любого общекультурного концепта, подчиняя его реализации цели, обозначенной исследователями как борьба за власть [34, 35].

Рассматриваемый нами дискурс правового документа – как письменная сфера реализации правового дискурса – обладает максимально высоким уровнем внутренней организованности формально-смысловой структуры.

В социолингвистическом аспекте исследователи рассматривают правовой дискурс как институциональный [36–38], подчеркивая специфику его цели – правовое регулирование отношений в государстве. Правовой дискурс охватывает устные и письменные дискурсивные практики как юристов-профессионалов, так и рядовых граждан, вовлеченных в правовые процедуры (например, в рамках устного допроса, выступления в суде).

Дискурс правового документа мы определяем как письменный институциональный дискурс, направленный на обращение участников правовой коммуникации к правовым документам, произведенным агентами права и фиксирующим принципы и результаты регулирования правовых отношений. Сформулированное определение дискурса правового документа основано на его концепции, восходящей к идеям М. Фуко, французского дискурс-анализа и постструктурализма (социальный дискурс), получившей развитие в работах Т. ван Дейка, где под дискурсом понимается тип коммуникации, границы которой заданы социальной ситуацией определенного типа. При таком подходе текст рассматривается как компонент дискурса, его динамическая результативная сторона. В подобной трактовке текста мы опираемся на исследовательскую традицию коммуникативного обоснования текстопродления, проявленную в работах по теории текста и теории дискурса – Р.-А. Богранда, В. Дресслера, Б.М. Гаспарова, Т. ван Дейка, В. Кинча, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Т.В. Матвеевой, О.И. Москальской, В.Е. Чернявской и др. Это позволяет рассматривать текст правового документа как продукт дискурса правового документа, фиксирующий его признаки, значимые в рамках обращения к нему участников документной правовой коммуникации (т.е. в рамках дискурса правового документа).

Дискурс правового документа – составляющая правового дискурса, в его структуре выделяют следующие признаки:

1) высокий уровень внутренней организованности содержания, обеспечивающий системность правовых норм и иерархичность структуры правовых документов (исследователи правового дискурса устанавливают соответствие между иерархией правовых документов и жанровой системностью их текстов: верховное положение в этой иерархии занимает Конституция, представляющая наиболее общие принципы государственно-правового регулирования, законы и кодексы опираются на Конституцию и отражают принципы правоприменения; Конституция, законы и кодексы представляют исходные жанры дискурса правового документа, которым противопоставляются результативные жанры, фиксирующие результаты правоприменения, например приговор и решение суда [36, 39–46]);

2) субъект текстопорождения – агент правового дискурса, юрист-профессионал, реализующий специальные знания при производстве правового документа;

3) письменная форма реализации, характеризуемая исследователями как «главная составляющая... правового дискурса» [47. С. 37], «его доминанта, (которая) ... является двигателем в социально-правовом развитии общества» [47. С. 39], обеспечивает легитимацию правовых норм;

4) определяемый предыдущими признаками максимально высокий уровень формальности текстопорождения.

Письменная фиксация установок правового дискурса, стабильность и устойчивость жанровых форм, высокий уровень структурированности и формальности текста усиливают институционализацию дискурса правового документа по сравнению с устным правовым дискурсом: во-первых, документная специфика определяет **стабильность** – такие тексты официально закреплены в законодательстве (в отличие, например, от предвыборных речей политиков, не имеющих нормативного закрепления в системе государственного регулирования), во-вторых, как следствие, – они получают **повсеместную распространенность и абсолютную узнаваемость**, которая дает возможность транслирования авторитетной социально значимой информации.

Содержательное единство дискурса правового документа формируется на основании дискурсообразующего статуса в нем концепта *свобода* – как трансформированного в соответствии с функциональной направленностью общекультурного концепта, системно реализуемого в текстах.

Рассмотрим результаты такой трансформации, обеспечивающие дискурсообразующий статус, и принципы его системной реализации.

Свобода, по мнению исследователей, является одним из ключевых концептов русской национальной лингвокультуры [47–49].

Его содержание, реализованное в русской языковой картине мира, достаточно широко изучено: выявлены его компоненты, формы и принципы реализации в русском языке [47, 50–59], описана специфика данного кон-

цепта в русской лингвокультуре на фоне других лингвокультур [47, 50, 51, 56, 57].

Ранее были рассмотрены жанровые особенности реализации концепта *свобода* в текстах Конституции [39, 40, 41, 45], кодексе [41, 44], приговоре и решении суда [43, 46], протоколе судебного заседания [42].

В данном исследовании мы анализируем специфику реализации концепта *свобода* в дискурсе правового документа с учетом его дискурсообразующего статуса. В связи с этим мы фокусируемся на общих, наджанровых особенностях данного дискурсивно интерпретируемого концепта, позволяющих ему выполнять функцию дискурсообразования.

Впервые статус концепта *свобода* в правовом дискурсе как дискурсообразующий обозначает Н.Г. Храмцова [20], при этом автор не обращается к его анализу. В качестве второго дискурсообразующего концепта в названном дискурсе автор обозначает концепт *право* [20]. В настоящем исследовании мы рассматриваем лексемы *право* и *свобода* как маркеры единого концепта *свобода*, основываясь на единстве реализуемого ими правового содержания (что подтверждается дефиницией юридического словаря, фиксирующего их тесную связанность и различия – как варианты референциальной целостности¹).

Анализируя дискурсообразующую специфику концепта, в данной статье сосредоточимся на таких аспектах, позволяющих выявить признаки его участия в формировании дискурса, как: (1) двунаправленность природы концепта, определяющая характер дискурсивной трансформации общекультурного содержания, направленный на реализацию функции дискурсообразования; (2) понятийное содержание, организующее дескриптивный компонент дискурсивной картины мира и выраженный в специфике функционирования базовых лексических репрезентантов и характере трансформации понятийных признаков; (3) ценностное содержание, организующее ценностный компонент дискурсивной картины мира.

(1) Ключевой статус концепт *свобода* в русской языковой картине мира [48–62] определяет значимый потенциал для дискурсивного развертывания.

Дискурсообразующий статус *свободы* как концепта правового дискурса в целом и дискурса правового документа в частности основывается на том, что в основе российского законодательства лежит принцип, согласно которому «права и свободы человека... признаются существующими объективно, имеющими дозаконотворческий и внезаконотворческий характер» [61. С. 100]: *Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения* [К].

¹ «Категория свободы близка к понятию права в субъективном смысле, однако последнее предполагает наличие более или менее четкого юридического механизма для реализации и обычно корреспондирующей обязанности государства или другого субъекта совершить какое-либо действие (напр., предоставить работу в случае права на труд). Напротив, юридическая с. не имеет четкого механизма реализации, ей корреспондирует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную с. действий» [63. С. 215].

Данный принцип устанавливает прямую диктумную корреляцию дискурсивно обусловленного содержания концепта *свобода* и его общекультурного содержания. Кроме того, в Конституции как базовом законодательном документе фиксируется основание для ценностной корреляции общекультурного и дискурсивно обусловленного содержания исследуемого концепта (понятийное и ценностное содержание концепта взаимодействуют): *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью* [К].

Указанные корреляции выражаются в совокупности общих признаков дискурсивного и общекультурного концепта и специфических признаков данного концепта в дискурсе правового документа, реализованных как результат трансформации содержательных признаков общекультурного концепта.

Исследователи сформированного в русской лингвокультуре концепта указывают на то, что свобода означает **отсутствие ограничений**, которое связывается с получением **положительных эмоций** и включает позитивные ощущения, возникающие при **освобождении от ограничений** [48, 57, 58]. В связи с этим особо подчеркивается связь свободы с позитивнооценочным полюсом в интерпретации мира [62. С. 75].

Свобода в дискурсе правового документа интерпретируется как **набор обеспеченных законом моделей поведения гражданина / государства – их возможностей и ограничений**, что прямо соответствует общему содержанию дескриптивного компонента дискурсивной картины мира и закрепляется в текстовой реализации исследуемого концепта

(2) **Понятийное содержание** концепта *свобода* в дискурсе правового документа рассмотрим на основании (2.1) анализа его ядерных лексических репрезентантов, а также (2.2) характера трансформации его понятийных признаков.

(2.1) **Ядерными репрезентантами** являются лексемы *свобода* и *право*.

В дискурсе правового документа лексемы, репрезентирующие данные концепты, фиксируют закрытый перечень заданных и гарантированных законом возможностей гражданина и их ограничений – «границ»: *Каждому гарантируется **свобода** литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания* [К]; *...**свобода** труда, включая право на труд, который каждый **свободно** выбирает или на который **свободно** соглашается* [ТК]; *...полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется **право**: требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий* (Р).

В дискурсе правового документа лексемы *право* и *свобода* реализуют особую семантику.

Лексема *право*, в ядре языковых значений ориентированная на выражение социально-правового содержания, последовательно реализует его в дискурсе правового документа. Лексема *свобода*, на системно-языковом уровне реализующая личностные и связанные с ними социально аспектированные значения, выражающие отсутствие социальных ограничений, в дискурсе правового документа также приобретает в значении правовой

компонент, выражая дискурсивную направленность на документирование правовых норм, обеспечивающих правовое регулирование: *Каждому гарантируется свобода мысли и слова* [К]; *...наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового* [УК]; *...что повлекло нарушение его прав, свобод и законных интересов...* (Р).

Использование лексем *свобода* и *право* для представления перечня заданных и гарантированных законом возможностей гражданина определяет их последовательную реализацию в конструкциях с семантикой **посессивности** (обладания), **промиссивности** (принятия обязательств), а также с **деструктивной** и **ограничительной** семантикой, заданных соответствующими предикатами. Такой тип их использования соответствует реализации дискурсивной цели государственно-правового регулирования.

Конструкции с семантикой **посессивности**, с одной стороны, являются результатом дискурсивного развертывания сформулированного в Конституции базового основания права (*Основные права и свободы человека... принадлежат каждому от рождения* [К]), а с другой – отражают возможности гражданина, реализация которых «предполагает наличие более или менее четкого юридического механизма» [63. С. 215]. В связи с последним в таких конструкциях используется лексема *право* – лексема *свобода* в них практически не реализуется.

В конструкциях, реализующих ядерные лексемы как актанты посессивных предикатов (*иметь, приобрести*), наиболее частотно свобода интерпретируется как изначально данная субъекту возможность. Правовые возможности в этом случае фиксируются в форме актантов: *Каждый имеет право на пользование родным языком* [К]; *...каждый... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела...* (Р); *...работодатель в дальнейшем имеет право на предъявление к виновному материальных претензий в порядке регрессных требований* (П). Значительно реже используются конструкции, представляющие свободу как возможность, приобретенную при определенных условиях: *Поручитель, который приобрел права созаемодержателя или права по иному обеспечению основного обязательства, не вправе осуществлять их во вред кредитору...* [ГК]. В целом в конструкциях такого типа оформляется дискурсивно заданный перечень разрешений – как результат правовой реализации исследуемого концепта.

Конструкции с семантикой **промиссивности** реализуют дискурсивную направленность на выражение функции закона защищать гражданина, что поддерживается предикатами с соответствующей семантикой – *защита, охрана, защищать(ся), охранять(ся), гарантировать(ся)* и т.п., реализующимися за счет субъекта «правовая инстанция» (например, *суд*): *Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...* [К]; *Права всех собственников защищаются равным образом* [ГК]; *...предусмотренные законом условия для реализации права на обращение в суд общей юрисдикции за защитой прав, свобод и охраняемых законом интересов* (Р) и т.п.

Конструкции с **деструктивной и ограничительной семантикой** выражают дискурсивно обусловленную интерпретацию прав и свобод гражданина как сбалансированной, стабильной, не терпящей нарушений системы и реализуются с помощью следующих лексем: *нарушать, умять, ущемлять, преступление* и т.п.: *Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц* [К]; *...правообладатель может оспорить соответствующее решение собрания, нарушающее его права и охраняемые законом интересы...* [ГК]; *...Неучастие Р-ва М.А. в осмотрах не свидетельствует об ущемлении его права на защиту* (П).

Отношения правовых возможностей гражданина и закона в конструкциях с семантикой промиссивности и с деструктивной / ограничительной семантикой также закрепляются синтаксически: рассматриваемые лексемы выступают в функции актантов по отношению к промиссивным (*гарантируются, защищаются, защита*) и деструктивным / ограничительным предикатам (*нарушать, ущемление*), фиксирующим действия закона (в промиссивных конструкциях) или действия, от совершения которых защищает закон (в конструкциях с деструктивной семантикой).

Признаки посессивности, в общекультурном концепте реализующиеся как в **негативном** (*ограничить, заставить, подчинить, запретить, захватить, затруднить* (лишить свободы)), так и в **позитивном** (*дарить, даруется, гарантировать* (предоставить свободу)) аспекте, в дискурсе правового документа реализуются также как **негативно** (смысл лишения свободы) через лексические единицы *лишение права (прав), лишение возможности, взыскать задолженность* и т.п., так и **позитивно** (смысл предоставления свободы) – через лексемы *принадлежат, неотчуждаемы* и др. Негативный смысл соответствует различным аспектам ограничения свободы, позитивный связан с запретом на ее ограничение (при соблюдении закона).

Признак «**излишней свободы**» [58], реализованный в общекультурном концепте как негативный, в дискурсе правового документа находит косвенное выражение в перечне наказаний за отклонение от закона, а также в том, что перечень допускаемых законом прав и свобод является закрытым.

Признаки промиссивности и деструкции / ограничения формируются как результат трансформации общекультурной семантики «**возможная угроза / потеря свободы**», «**необходимость защиты свободы**» [58] и выражаются в представлении закона как защищающей от этого внешней силы.

Социально аспектированная семантика общекультурного концепта «**независимость или состояние свободного человека**» [64] в дискурсе правового документа не реализуется: дискурс не предполагает возможности независимости от закона.

Дискурсивная специфика использования лексем *свобода* и *право* **особым образом оформляется грамматически**. Регулирующая функция дискурса правового документа определяет закрытый характер перечня предоставляемых законом возможностей, что в текстах поддерживается грам-

матическими особенностями реализации лексемы *свобода* во множественном числе (*права и свободы*). Указанные грамматические особенности использования данных лексем отражают дискурсивные стратегии грамматической дифференциации общезыкового и дискурсивного значения. Это кардинально отличает содержательную организацию правового концепта *свобода* от его общекультурного соответствия, трактуемого как «приятное отсутствие ограничений какого бы то ни было рода» [48. С. 241].

(2.2) Рассмотрим дискурсивно обусловленные **особенности понятийной структуры** концепта, позволяющие реализовать дескриптивный компонент дискурсивной картины мира.

Специфика понятийной структуры концепта *свобода* в дискурсе правового документа на фоне понятийного содержания общекультурного концепта определяется особенностями (А) субъекта свободы, (Б) объекта свободы и (В) условий наличия или отсутствия свободы, что позволяет концепту реализовывать дискурсообразующий статус.

(А) Под **субъектом свободы** понимается лицо или социальная структура, получающая или утрачивающая свободу в соответствии с ее общекультурной или дискурсивной интерпретацией.

Субъектом свободы в рамках общекультурного концепта является человек, не ограниченный в своих социальных и личностных функциях («любой человек», «человек вообще»). В связи с этим в содержании общекультурного концепта субъект свободы практически не маркируется. Правовой дискурс, направленный на реализацию правовой оценки законодательно закрепленных возможностей человека и накладываемых на него запретов, предполагает функциональное ограничение субъекта свободы. В рамках правового дискурса в целом и дискурса правового документа в частности субъект свободы конкретизируется в аспекте возможности правовой оценки его социальных действий.

Если для общекультурного концепта характерна интерпретация свободы человека, не предполагающая функционального ограничения субъекта, то дискурсивная интерпретация правового документа требует представления особого типа субъекта свободы, реализацию специфических форм его текстового представления, что соответствует актуализации социального аспекта исследуемого концепта.

В рамках дискурса правового документа субъектами свободы / несвободы становятся (а) гражданин – как субъект, которому закон разрешает / запрещает совершать действия, подвергающиеся правовой оценке, и (б) государство – как субъект, совершающий также законодательно регламентированные действия, направленные на гражданина и тем самым косвенно определяющие его правовую свободу / несвободу.

(а) **Функционально-правовой статус гражданина в дискурсе правового документа** закрепляется соответствующими номинациями, включающими лексему *гражданин*, фиксирующую правовой статус человека: *Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражд-*

данства или права изменить его [К]; Если иное не установлено федеральными законами, **иностранцы граждане и лица без гражданства** имеют право вступать в трудовые отношения в качестве работников по достижении ими возраста восемнадцати лет [ТК] и т.п.

При этом дискурсивные ограничения функционального статуса субъекта свободы как гражданина определяются дискурсивной формой правового документа: его внешним оформлением (реквизиты, особенности размещения и т.д.), формально-структурной и стилистической организацией и т.п.

(б) **Государство как субъект свободы / несвободы** в дискурсе правового документа имеет вторичный статус, так как регламентация свободы государства ориентирована на наделение его полномочиями или ограничение его возможностей в осуществлении действий по регулированию свободы гражданина (как первичного субъекта). В связи с этим экспликация государства как субъекта свободы реализуется в текстах правового документа значительно менее частотно.

Кроме того, по вышеуказанной причине данный субъект свободы выражается в исследуемых текстах не только эксплицитно, но и имплицитно. Эксплицитное выражение предполагает номинирование государства (**Государство** обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [К]; **Российская Федерация** гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами [К]; **Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации** находятся под защитой **государства** [СК]), а также различных органов государственной власти и правосудия (**Суд обязан** в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении родительских прав направить выписку из такого решения суда в орган опеки и попечительства по месту вынесения решения и в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка [СК]; **Исполнительные органы государственной власти или органы местного самоуправления не вправе** требовать от заявителя представления дополнительных документов, за исключением документов, предусмотренных указанным перечнем (ч. 5 ст. 36 ЗК РФ) (П) и др.), представленных как действующие на основании объективированного закона. Имплицитное выражение обеспечивается дискурсивной ориентацией правового документа на регламентирование действий государства по отношению к его гражданину. В связи с этим частотно используются пассивные бессубъектные конструкции, предполагающие государственный орган как имплицитно представленный семантический субъект, действия которого регламентируются. Свобода / несвобода этого субъекта выражается в предикатной лексеме: **Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству** [К]; **В Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлениями** [К];

Не допускается заключение брака между: лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке... [СК] и т.п.

(Б) **Объект свободы** – это вид деятельности, подвергающийся общекультурно или дискурсивно обусловленному ограничению или разрешению.

Абсолютизация свободы в содержании общекультурного концепта не предполагает наличия объекта, который указывал бы на ее сужение. В дискурсе правового документа формирование признака направленности на объект реализует правовую оценку этого объекта, нормативное ограничение видов деятельности.

Объекты наделяния / лишения свободы **гражданина** в дискурсе правового документа выражают (а) желаемые (с точки зрения закона) действия субъекта свободы (*Каждый имеет право на участие в культурной жизни... [К]; При наличии особых обстоятельств (беременности, рождения ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон и других особых обстоятельств) брак может быть заключен в день подачи заявления [СК]*), (б) его недопустимые действия (*Односторонний отказ от исполнения соглашения об уплате алиментов или одностороннее изменение его условий не допускаются [СК]; При этом сторона обвинения не учитывает того, что отчуждение земельного участка без находящегося на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу, в принципе не допускается (П)*) и (в) необходимые с точки зрения закона действия субъекта свободы (*Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [К]; Нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу [ГК]*). Тем самым указанные типы объектов свободы охватывают все функции правового регулирования – допущение, предписание и запрет.

Объектами свободы **по отношению к государству** являются (а) действия государства, направленные на гражданина (*В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина [К] ...Истец не может быть признан потерпевшим в результате неосновательного обогащения Предприятия... (Р)*), (б) его внутренние (автонаправленные) действия (*Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц [К]; Министерства и иные федеральные органы исполнительной власти могут издавать акты, содержащие нормы гражданского права [СК]*).

(В) **Условия реализации свободы** – это особенности культурно или дискурсивно значимой ситуации, определяющие наличие или отсутствие свободы у рассматриваемого субъекта.

Появление в дискурсе правового документа представления условий реализации свободы также связано с нейтрализацией общекультурного при-

знака ее безграничности. Свобода в дискурсе правового документа ограничена условиями осуществления правовых действий – условия отображают границы, установленные законом: *Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда* [К]; *Запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности* [СК]; *В силу ст. 302 УПК РФ приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств* (П).

(3) Рассмотрим ценностное содержание концепта *свобода*, организующее правовой ценностный компонент дискурсивной картины мира.

В соответствии с дискурсообразующим статусом концепт *свобода* в дискурсе правового документа интерпретируется в соответствии с реализацией всех дискурсивных ценностных составляющих. Их состав определяется, с одной стороны, ценностным содержанием общекультурного концепта *свобода*, а с другой – ценностями правового нормирования, которые, в свою очередь, основаны на ценностях официальной фиксации норм, в данном случае – их документирования (описаны, например, в [10]).

В первую очередь активно эксплицируется **этический компонент** общекультурного концепта *свобода* – высокий уровень ценностной значимости свободы для человека.

На этическую значимость концепта *свобода*, определяющую его роль в правовом дискурсе, обращают внимание исследователи философии права [65, 66]. С.И. Максимов отмечает, что «метафизическим условием возможности права и обоснованием внутренней независимости (автономии) выступает установка отрицания рабства и признания свободы высшей ценностью» [65. С. 27].

Высокий уровень ценностной значимости исследуемого концепта в русской национальной культуре способствует интерпретации в дискурсе правового документа правовой свободы и принципов ее ограничения как основанных на морально-этических принципах, что выражается в позитивной оценке государства как проводника закона и регулирующего свободу начала: *Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия* [К]; *Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства* [СК] и др.

Общий этический компонент права дискурсивно поддерживает легитимность правового документа в целом.

Прямое влияние на организацию дескриптивного компонента дискурсивной картины мира как совокупности действий, подвергнутых правовой оценке, оказывает ценностная составляющая исследуемого концепта, формируемая в результате его дискурсивной интерпретации. Ценность следования правовым нормам выражается в том, что *свобода* в правовом доку-

менте получает четкие границы, фиксируемые предикатами разрешения (*имеет право, может, имеют возможности* и др.), запрета (*не вправе, не может, запрещается, недопустим, отказать* и др.) и долженствования (*должен, обязан, обязать* и др.), выражающими правовую норму.

В том, что в дискурсе правового документа закрепляется наличие у гражданина не только прав и свобод, но и запретов и обязанностей, проявляется заданная на национально-культурном уровне бинарность исследуемого концепта.

При этом регулировать наличие запретов и обязанностей может только «внешняя сила» (закон), наличие которой реализуется через речевую стратегию императивности (ценность неукоснительности соблюдения закона), в тексте оформленной как транслируемая от имени объективированной инстанции (ценность всеобщего равенства перед законом).

При этом важно, что не только «запрет» (*Никто не может присваивать власть в Российской Федерации [К]; ...нотариус не вправе выступать в средствах массовой информации, публиковать информацию в социальных сетях по вопросам профессиональной деятельности... (Р) и др.*) и «долженствование» (*Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [К]; Ответчик обязан возместить Истцу реальные расходы... (Р) и др.*), но и «разрешение» быть свободным вербализуется в императивном регистре (*Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет [К]; Дедушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком [СК]; ...лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков... (Р) и т.п.*).

Заданное правовым дискурсом единство закона для всех граждан государства выражается в номинировании субъекта свободы местоимениями с обобщающим значением – *каждый, все, никто* и подобными: *Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами [К]* и т.п.

Объективность, внешний статус закона реализуется в безличных страдательных конструкциях (*Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [К]; Гарантируется свобода массовой информации [К]; Запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора [ТК]* и т.п.), включающих безличные формы глагола.

Подведем итоги.

Дискурсообразующий статус концепта *свобода* в дискурсе правового документа выражается в его способности, сохраняя общекультурно заданный содержательный потенциал, на основании дискурсивно обусловленной трансформации формировать принципы реализации дискурсивной цели. Ключевой характер данного концепта в языковой картине мира позволяет ему фиксировать базовый принцип законодательства, основанный на презентации прав и свобод человека.

Регулирующая цель права, стабилизированная в дискурсе правового документа, реализуется за счет трансформации (1) понятийного и (2) ценностного компонентов концепта *свобода*.

(1) Трансформация понятийного компонента проявляется в том, что заданная в общекультурном концепте интерпретация свободы как отсутствия ограничений, обладающего признаками всеобщности, безграничности и не обладающего социальной ориентированностью, в дискурсе правового документа реинтерпретируется как набор продиктованных и гарантируемых законом моделей поведения гражданина / государства – их возможностей и ограничений.

Это закрепляется в дискурсивной конкретизации признаков (а) субъекта, (б) объекта и (в) условий реализации свободы, а также (г) наличия закона как регулирующей свободу инстанции.

Трансформация понятийного компонента концепта *свобода* реализуется следующим образом.

(1.1) Его ядерные лексические репрезентанты – *свобода* и *право* – используются в качестве актантов в конструкциях с предикатами особого типа.

(1.1.1) Их использование в посессивных конструкциях, интерпретирующих заданные законом разрешения (права) как объект обладания гражданина, позволяет закрепить дискурсивно заданный перечень продиктованных и гарантируемых законом моделей поведения гражданина / государства.

(1.1.2) Употребление лексем *свобода* и *право* в промиссивных конструкциях актуализирует регулирующую роль закона как источника предоставления свободы, которая выражается в его гарантирующей функции.

(1.1.3) Реализация лексем *свобода* и *право* в конструкциях с деструктивной / ограничительной семантикой также актуализирует регулирующую роль закона как источника предоставления свободы, но сосредоточивает внимание на его защитной функции.

(1.2) Признаки наличия у свободы особых субъекта, объекта и условий реализации вербально фиксируются: (а) гражданин как субъект свободы оформляется номинацией *гражданин* и ее конкретно-ситуативными модификациями (*иностраный гражданин* и т.п.), а также местоимениями с обобщающим значением, государство как субъект свободы реализуется его номинациями и номинациями органов государственной власти и правосудия; (б) объект свободы оформляется описанием разрешенных / запрещенных законом видов социальной деятельности субъекта; (в) условия реализации свободы фиксируются в описании условий, при которых социальная деятельность субъекта может быть разрешена / запрещена.

Наличие закона как источника предоставления свободы выражается имплицитно в безличных страдательных конструкциях.

(2) Трансформация ценностного компонента проявляется в том, что в дискурсе правового документа закрепляется наличие у гражданина / государства не только прав и свобод, но и запретов и обязанностей. С одной стороны, в этом проявляется заданная на национально-культурном уровне бинарность исследуемого концепта, а с другой – реинтерпретируется пози-

тивная эмоциональная ориентированность свободы: соблюдение ограничений предстает как норма, диктуемая законом как «внешней силой», что обеспечивает признание его полномочий и ценность равенства перед ним.

Результаты такой трансформации оформляются через речевую стратегию императивности, в тексте оформленной как трансляция не только «запретов» и «долженствований», но и «разрешений» быть свободным в императивном регистре от имени объективированной инстанции, имплицитно зафиксированной в безличных страдательных конструкциях.

Список источников

1. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.
2. Кондратьева О.Н. Концепт «душа» в политическом дискурсе (к истокам формирования концепта) // Лингвокультурология. 2011. № 5. С. 43–53.
3. Крылов Ю.В. Концепт «счастье» в современном рекламном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 244–251.
4. Орлова Н.В. Права человека как концепт компьютерного сетевого дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 57–62.
5. Дейк Т. ван, Кинч В. Макростратегии. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М. : ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 31–44.
7. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
8. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 44 с.
9. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : ИД СК-С, 2011. С. 13–94.
10. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.
11. Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения (1976) // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1982. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277–316.
12. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 459 с.
13. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы междунар. школы-семинара «V Березинские чтения». М. : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. № 15. С. 4–20.
14. Алефиренко Н.Ф. Методологические проблемы дискурса и дискурс-анализа // Язык и метод. 2015. № 2. С. 105–113.
15. Приходько А.Н., Путий Е.С. Дискурсообразующий потенциал концептов (на материале викторианского дискурса) // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 105–114.
16. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: Скромность vs Ханжество // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 2. С. 73–84.
17. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр. Н. Тагил : НТГСПА, 2009. С. 68–85.

18. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология. Волгоград : Парадигма, 2009. 116 с.
19. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
20. Храмова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 396 с.
21. Конституция Российской Федерации. URL: <http://konstitucija.ru/1993/15/> (дата обращения: 23.05.2021).
22. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015517> (дата обращения: 20.02.2021).
23. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807664> (дата обращения: 20.02.2021).
24. Жилищный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901919946> (дата обращения: 20.02.2021).
25. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (дата обращения: 20.02.2021).
26. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (дата обращения: 20.02.2021).
27. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901799839> (дата обращения: 20.02.2021).
28. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (дата обращения: 20.02.2021).
29. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 20.02.2021).
30. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901832805> (дата обращения: 20.02.2021).
31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802257> (дата обращения: 20.02.2021).
32. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. URL: sudrf.ru (дата обращения: 21.12.2020).
33. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
34. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 440 с.
35. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. М. : ФЛИНТА, 2016. 224 с.
36. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 41 с.
37. Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) : автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
38. Храмова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган : Курган. гос. ун-т, 2012. 180 с.
39. Тубалова И.В., Наземцева М.А. Интерпретация маркеров свободы в славянских языках и в дискурсе славянского правового документа // Русин. 2020. № 62. С. 159–175.
40. Наземцева М.А. Концептуализация «свободы» в тексте Конституции РФ // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов IV (XVIII) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 20–22 апреля 2017 г. Томск, 2017. Вып. 18, т. 1: Лингвистика. С. 36–39.
41. Наземцева М.А. Специфика концептуальной организации Конституции и кодекса как ядерных жанров правового дискурса // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 19–21 апреля 2018 г. Томск, 2018. Вып. 19, т. 1: Лингвистика. С. 79–80.42. Наземцева М.А. Средства реализации концепта *свобода* в протоколе судебного заседания как законодательном правовом документе // Актуальные проблемы лингвистики и литерату-

роведения : сб. материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых. Томск, 18–19 апреля 2019 г. Томск : STT, 2020. С. 24–26.

43. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в жанрах приговора и решения суда // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Томск, 16–18 апреля 2020 г. Томск, 2020. Вып. 21. С. 35–41.

44. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в кодексе как ядерном жанре правового дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 37–48.

45. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в Конституции как ядерном жанре дискурса правового документа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 28–38.

46. Наземцева М.А. Концепт *свобода* в приговоре и решении суда в его обусловленности дискурсивно-жанровой спецификой // Казанская наука. 2021. № 8. С. 22–24.

47. Зайцева И.Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 36–40.

48. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

49. Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 161–167.

50. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.

51. Ардашева Т.Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «Свобода» (на материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 21 с.

52. Ардашева Т.Г., Мерзлякова А.Х. Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2011. № 2. С. 13–18.

53. Базылев В.Н. Обособленные концепты русской культуры: свобода-воля // Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. Ч. 3. С. 125–126.

54. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянской культуры, 1997. 577 с.

55. Кириллова О.А. Языковая репрезентация лингвокультурного концепта «свобода» в медиа-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 20 с.

56. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.

57. Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.

58. Солохина А.С. Свобода // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 222–246.

59. Урысон Е.В. Свобода, воля // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. С. 1003–1007.

60. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира: на материале художественных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 26 с.

61. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода. Новосибирск : Изд-во НИИ, 2008. 502 с.

62. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. М. : Индрик, 2003. С. 73–99.

63. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М. : Книжный мир. 2010. 848 с.

64. Катаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря к тексту : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
65. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права. СПб. : Алетейя, 2016. С. 23–59.
66. Соловьев Э.Ю. От обязанности к призванию, от призвания к праву. М. : Наука, 1990. С. 48–55.

References

1. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept “wealth” in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 17–28. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/55/2
2. Kondrat'eva, O.N. (2011) Kontsept “dusha” v politicheskom diskurse (k istokam formirovaniya kontseptov) [The concept of “soul” in political discourse (to the origins of the formation of the concept)]. *Lingvokul'turologiya*. 5. pp. 43–53.
3. Krylov, Yu.V. (2013) The concept “Happiness” in the modern advertising discourse. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philology Journal*. 3. pp. 244–251. (In Russian).
4. Orlova, N.V. (2013) Prava cheloveka kak kontsept komp'yuternogo setevogo diskursa [Human rights as a concept of Computer Network Discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 57–62.
5. Deyk, T. van & Kinch, V. (2000) *Makrostrategii. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Macrostrategies. Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
6. Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In: Gerasimov, V.I. & Ilyin, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Modern Studies]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. 3. pp. 31–44.
7. Kryuchkova, N.V. (2009) *Rol' referentsii i kommunikatsii v kontseptoobrazovanii i issledovanii kontseptov (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo yazykov)* [The role of reference and communication in concept formation and research of concepts (on the basis of Russian, English, and French languages)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
8. Orlova, O.V. (2012) *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontseptov: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchii potentsial* [Discursive and stylistic evolution of the media concept: life cycle and world-modeling potential]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Rezanova, Z.I. (2011) Diskursivnye kartiny mira [Discursive pictures of the world]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian World: Modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S. pp. 13–94.
10. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskij tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
11. Chafe, W. (1982) Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya (1976) [Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view (1976)]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 11. pp. 277–316.
12. Emer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremenном pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyy analiz* [World modeling in modern song folklore: cognitive-discursive analysis]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
13. Alefirenko, N.F. (2009) [Discursive consciousness: synergy of language, cognition and culture]. *Yazykovoje bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Linguistic Existence of a Person and Ethnos: Psycholinguistic and cognitive aspects]. Proceedings of the V Berezin Readings International Seminar. Moscow. 2009. Moscow: Institute

of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow State Linguistic University. 15. pp. 4–20. (In Russian).

14. Alefirenko, N.F. (2015) Metodologicheskie problemy diskursa i diskurs-analiza [Methodological problems of discourse and discourse analysis]. *Yazyk i metod*. 2. pp. 105–113.

15. Prikhod'ko, A.N. & Putiy, E.S. (2011) Diskursoobrazuyushchiy potentsial kontseptov (na materiale viktorianskogo diskursa) [Discourse-forming potential of concepts (based on Victorian discourse)]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*. 9. pp. 105–114.

16. Shevchenko, I.S. (2010) Diskursoobrazuyushchie kontsepty viktorianstva: Skromnost' vs Khanzhestvo [Discourse-forming concepts of Victorianism: Modesty vs Bigotry]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs*. 2. pp. 73–84.

17. Oleshkov, M.Yu. (2009) Lingvokontseptual'nyy analiz diskursa (teoreticheskiy aspekt) [Linguoconceptual analysis of discourse (theoretical aspect)]. In: Oleshkov, M.Yu. (ed.) *Diskurs, kontsept, zhanr* [Discourse, Concept, Genre]. Nizhniy Tagil: NTGSPA. pp. 68–85.

18. Karasik, V.I., Krasavskiy, N.A. & Slyshkin, G.G. (2009) *Lingvokul'turnaya kontseptologiya* [Linguistic and Cultural Conceptology]. Volgograd: Paradigma.

19. van Deyk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress.

20. Khramtsova, N.G. (2010) *Teoriya pravovogo diskursa: bazovye idei, problemy, zakonornosti* [Theory of Legal Discourse: Basic ideas, problems, patterns]. Kurgan: Kurgan State University.

21. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://konstitucija.ru/1993/15/> (Accessed: 23.05.2021).

22. Russian Federation. (2021) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Family Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9015517> (Accessed: 20.02.2021).

23. Russian Federation. (2021) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901807664> (Accessed: 20.02.2021).

24. Russian Federation. (2021) *Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Housing Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901919946> (Accessed: 20.02.2021).

25. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 1. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9027690> (Accessed: 20.02.2021).

26. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 2. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9027703> (Accessed: 20.02.2021).

27. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 3. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901799839> (Accessed: 20.02.2021).

28. Russian Federation. (2021) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. Pt. 4. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (Accessed: 20.02.2021).

29. Russian Federation. (2021) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (Accessed: 20.02.2021).

30. Russian Federation. (2021) *Grazhdansko-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Code of Civil Procedure of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901832805> (Accessed: 20.02.2021).

31. Russian Federation. (2021) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901802257> (Accessed: 20.02.2021).

32. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema Rossiyskoy Federatsii "Pravosudie" [Justice. State Automated System of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from: <https://sudrf.ru> (Accessed: 21.12.2020).

33. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: ITDGG "Gnozis".

34. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd: Peremena.

35. Kashkin, V.B. (2016) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to Communication Theory]. Moscow: FLINTA.

36. Dubrovskaya, T.V. (2010) *Sudebnyy diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Judicial discourse: speech behavior of a judge]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.

37. Mal'tseva, V.A. (2011) *Strategii rechevogo vozdeystviya v professional'noy kommunikatsii (na primere yuridicheskogo diskursa)* [Strategies of speech influence in professional communication (on the example of legal discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chel'yabinsk.

38. Khrantsova, N.G. (2012) *Diskurs-pravovoy analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-Legal Analysis: From theory to practice of application]. Kurgan: Kurgan State University.

39. Tubalova, I.V. & Nazemtseva, M.A. (2020) Interpretatsiya markerov svobody v slavyanskikh yazykakh i v diskurse slavyanskogo pravovogo dokumenta [Interpretation of markers of freedom in the Slavic languages and in the discourse of the Slavic legal document]. *Rusin*. 62. pp. 159–175.

40. Nazemtseva, M.A. (2017) [Conceptualization of "freedom" in the text of the Constitution of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the IV (XVIII) International Conference. Vol. 18-1. Tomsk. 20–22 April 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp. 36–39. (In Russian).

41. Nazemtseva, M.A. (2018) [The specifics of the conceptual organization of the Constitution and the code as nuclear genres of legal discourse]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the V (XIX) International Conference. Vol. 19-1. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: STT. pp. 79–80. (In Russian).

42. Nazemtseva, M.A. (2020) [Means of implementing the concept of freedom in the protocol of the court session as a non-legislative legal document]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the VI (XX) International Conference. Tomsk. 18–19 April 2019. Tomsk: STT. pp. 24–26. (In Russian).

43. Nazemtseva, M.A. (2020) [Features of the interpretation of freedom in the genres of a sentence and a court decision]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the VII (XXI) International Conference. Vol. 21. Tomsk. 16–18 April 2020. Tomsk: Tomsk State University. pp. 35–41. (In Russian).

44. Nazemtseva, M.A. (2020) Osobennosti interpretatsii svobody v kodekse kak yadernom zhanre pravovogo diskursa [Features of the interpretation of freedom in the code as a nuclear genre of legal discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (2018). pp. 37–48.

45. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the constitution as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universi-*

teta – Tomsk State University Journal. 452. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/3

46. Nazemtseva, M.A. (2021) Kontsept svoboda v prigovore i reshenii suda v ego obuslovlennosti diskursivno-zhanrovoy spetsifikoy [The concept of freedom in the verdict and the decision of the court in its conditionality of discursive-genre specifics]. *Kazanskaya nauka*. 8. pp. 22–24.

47. Zaytseva, I.D. (2010) Diskursivnye osobennosti tekstov yuridicheskikh dokumentov (obshchaya kharakteristika) [Discursive features of the texts of legal documents (general characteristics)]. *Yurilingvistika*. 10. pp. 36–40.

48. Vezhbitskaya, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

49. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012) “Svoboda” i “volya” kak klyuchevye kontsepty russkoy kul'tury [“Freedom” and “will” as key concepts of Russian culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 4. pp. 161–167.

50. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr Akademiya.

51. Ardasheva, T.G. (2012) *Lingvokognitivnyy analiz kontsepta “Svoboda” (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Linguistic and cognitive analysis of the concept “Freedom” (based on Russian, English and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.

52. Ardasheva, T.G. & Merzlyakova, A.Kh. (2011) Verbalizatsiya kontsepta svoboda v yuridicheskikh tekstakh [Verbalization of the concept of freedom in legal texts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*. 2. pp. 13–18.

53. Bazylev, V.N. (2001) [Separate concepts of Russian culture: svoboda-volya]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Proceedings of the 3rd International Conference. Pt. 3. Tambov. 16–18 May 2001. Tambov: Tambov State University. pp. 125–126. (In Russian).

54. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian grammar)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

55. Kirillova, O.A. (2010) *Yazykovaya reprezentatsiya lingvokul'turnogo kontsepta “svoboda” v media-diskurse* [Linguistic representation of the linguocultural concept “freedom” in the media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.

56. Lisitsyn, A.G. (1996) *Analiz kontsepta svoboda-volya-vol'nost' v russkom yazyke* [Analysis of the concept of svoboda-volya-vol'nost' in the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

57. Solokhina, A.S. (2004) *Kontsept “svoboda” v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [The concept of “freedom” in English and Russian linguocultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

58. Solokhina, A.S. (2005) Svoboda [Freedom]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (ed.) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 222–246.

59. Uryson, E.V. (2004) Svoboda, volya [Freedom, will]. In: Apresyan, V.Yu. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh. pp. 1003–1007.

60. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovanie i razvitie kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira: na materiale khudozhestvennykh tekstov* [Functioning and development of the concepts of freedom, power and challenge in the Russian language picture of the world: based on the material of literary texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

61. Sorokin, V.V. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo perioda* [The Theory of State and Law of the Transitional Period]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

62. Arutyunova, N.D. (2003) Volya i svoboda [Will and freedom]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka* [Logical Analysis of Language]. Moscow: Indrik. pp. 73–99.

63. Borisov, A.B. (2010) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow: Knizhnyy mir.

64. Kataeva, N.M. (2004) Russkiy kontsept volya: ot slovarya k tekstu [Russian concept volya: from the dictionary to the text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

65. Maksimov, S.I. (2016) Kontseptsiya pravovoy real'nosti [The concept of legal reality]. In: Chestnov, L.I. (ed.) *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Postclassical Ontology of Law]. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 23–59.

66. Solov'ev, E.Yu. (1990) *Ot obyazannosti k prizvaniyu, ot prizvaniya k pravu* [From Duty to Vocation, from Vocation to Right]. Moscow: Nauka. pp. 48–55.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Наземцева М.А. – канд. филол. наук, ассистент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

M.A. Nazemtseva, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mnazemtseva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2022;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 07.06.2023.*

*The article was submitted 29.10.2022;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 07.06.2023.*